

СЧАСТЬЕ В ТАРЕЛКЕ О СВОЕМ ФАРФОРЕ — ИГОРЬ КЛИМЕНКОВ

мне хотелось бы, чтобы по нашему фарфору можно было **определить именно сегодняшнюю Россию** — спустя и 50, и 70, и 100 лет

Многие думают, что я, коль уж у меня под боком имеется фарфоровая мануфактура, и сам непременно должен быть из семьи художников. Это было бы, конечно, эффективно для истории, но это не так. Я никакой не профессиональный художник и вообще я не ремесленник. И руками я никогда не работал особо, а больше думал в своей жизни головой. С фарфором все получилось отчасти случайно. Но я уверен, что и не совсем.

Я родился во Владивостоке, долгое время жил в Сиэтле, где занимался провайдерским бизнесом. К искусству относился прохладно. Вообще никак не относился. А моя жена собирала фарфор, потом его стал собирать вместе с ней и я. Была и есть наша семейная коллекция. А потом мне все надоело. Бизнес. Интернет надоел. Я ведь такой динозавр интернета. Так бывает: и даже сам Сиэтл надоел, и все дела, которыми я занимался двадцать лет. И я вдруг понял, что вот фарфор — это реально мое. Не было никаких внешних причин. Резкое осознание факта. Фарфор — это на самом деле мое. Это то, чем я хочу в жизни заниматься. И пусть я для начала ничегошеньки не знаю и не умею. «Ну и ничего, — подумал я, — Я научусь! Голова ведь имеется».

Итак, бизнес свой я продал. И Сиэтл я почти забросил. Хотя какой это удивительный, впрочем, город! Экологически чистая огромная деревня, пригород Силиконовой долины. У меня возле дома, кстати, даже рысь бродила. Вот как там чисто. Но экология и прошлая моя интернет-жизнь меня больше не удерживали. Я все выбирал, где бы теперь жить, и сейчас переехал в Париж, бываю наездами в Москве, где семь лет назад, вы будете смеяться, но я все-таки открыл настоящую фарфоровую мастерскую.

Сейчас у нас в мастерской на Таганке работает 20 человек, и всем коллективом я безмерно дорожу. Мы единомышленники, нам нравится то, что мы делаем, и я благодарен этим людям, которые работали в разных местах и не везде с ними обходились хорошо, что они мне по-настоящему в конце-то концов поверили.

Дело в том, что в 1990-е, когда везде закрывались и умирали мастерские, прикладные заводы, многие художники и ремесленники были по-настоящему напуганы. С одной стороны, всеобщим развалом. С другой — новыми, вернее новорусскими, заказчиками, которые требовали от них каких-то эстетических ужасов. И когда я многих принимал на работу, то они смотрели на меня широко открытыми глазами: вот, мол, еще один экспериментатор выискался! Ну, мол, поживем — увидим, что ты за художественная птица, Игорь Клименков. И я рад, что сегодня я смог избавить хотя бы этих 20 человек от страха. Нашему самому старому и опытному мастеру Виктору Веняминовичу Викторову 65 лет. Он потомственный мастер фарфора. Его отец и дед работали еще

в Вербилках, а дед — так вообще на Кузнецовской мануфактуре. Самый молодой сотрудник — девушка Лена Горшкова, ей 25 лет, она с нами два с половиной года. Мы принимаем много учеников, которым даем работу. Они сначала учатся, потом мы переводим их в мастера. Так как у нас сейчас две марки — одна, коллекционного фарфора, с полностью ручной росписью, всего 248 предметов в год, под брендом Klimenkoff, а вторая более бюджетная и массовая, она называется Far4, — то у нас есть возможность реально обучать, продвигать людей. Пока они учащиеся, то пускай работают над изделиями Far4. Моя цель? Мне нужно, чтобы все это, все мое, наше фарфоровое дело происходило, жило, дышало. У меня нет прибыли. Я никакой не фарфоровый бизнесмен, не воротила и не громила. Только сейчас, спустя семь лет после открытия мануфактуры, у меня даже я не могу сказать, что есть прибыль. Наконец-то мне хватает денег на операционные расходы. На свет, на газ, на воду, на телефон. На все нужды ЖКХ мы теперь сами полностью зарабатываем. А так я все эти семь лет только вкладывал то, что заработал раньше, и интернетом в том числе.

Какая у меня цель? Создавать фарфор, по которому можно будет через 50, 70, 100 лет сказать, что это Россия и это наше время, это начало XXI века. Конечно, это эклектика. У нас, к примеру, тарелки — с портретами генсеков, с портретами императоров. Вот генсеков наших мои сотрудники опасались делать, а императоров — нет. Есть много как бы агитационного фарфора. Есть советские формы: такие скульптуры или посуду мы делаем по фотографиям, долгая работа. У нас у всех есть фотографии детства, по ним художники создают эскизы — получаются очень живые картины, пусть и не сразу. Вот моя любимица «Девочка с кошкой», или же «Счастье». Или «Квас пьют», парная композиция в духе начала 1970-х: две девочки возвращаются с танцев. У нас много изделий в известном кузнецовском стиле — например, фарфоровые овощи, фрукты. Есть и елочные игрушки, и большой настольный или напольный «Гагарин», вернее, его космическая голова, и фарфоровый кочан капусты, и скульптура моего керна-терьера Тоши, и статуэтка прелестной совершенно шиншиллы, у нас девушки любят эту «Шиншиллу», правда, многие принимают ее за гигантскую мышь. У нас растет и число заказов от корпоративных клиентов: сейчас это в среднем 15% от всего производства на Таганке.

У меня нет такой большой идеи — возродить традиции, сохранить. Как-то громко сказано. Но мне так нравится прикладное искусство, то, что дает уют, улыбку, ласку людям. Надеюсь, что мой фарфор дает такую ласку. Затем я и работаю. Вот и все.

www.klimenkoff.com, www.far4.cc